

ЭДИП ЕРОФЕЕВ

Известия. - 2004. - 14 окт.
- с. 14.

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВ

Виктор Ерофеев опубликовал автобиографию, назвав ее «Хороший Сталин» и определив жанр как роман.

Автобиография — вполне почтенный жанр, со своей традицией, восходящей по крайней мере к Блаженному Августину. Традицией, самому Ерофееву, безусловно, хорошо знакомой. В «Хорошем Сталине» он рассуждает об особенностях жанра, делая

упор на русской автобиографической литературе. То есть от литературоведческой рефлексии Ерофеев не избавлен, напротив, с явным учетом своего филологического опыта он пишет свой роман. Действительно, филологу трудно быть ненамеченным, даже в том случае, если он с легкостью выдумывает биографии канадских писателей и особенности канадского литературного процесса (как сам Ерофеев признается в романе). А уж в автобиографии от нарочитости избавиться тем более трудно.

Писательская автобиография — всегда акт самопознания. Оставляя в стороне художественный вымысел, преображенную творчеством действительность, созданные воображением события и характеры, писатель пытается осознать себя в череде реальных жизненных событий и реальных людей. Впрочем, все зависит от писателя. У Андрея Белого, например, воспоминания почти неотличимы от его художественной прозы. И в мемуарах, и в своих «симфониях», и в романах он «боролся» со своими современниками и со своим отцом. Но даже Андрей Белый вряд ли начал бы свой роман с фразы, которой открывается роман Ерофеева: «В конце концов я убил своего отца». Можно ли придумать что-нибудь более нарочитое, если не считать названия «Хороший Сталин». Между тем на сопоставлении этих двух тезисов — «хороший Сталин» и «я убил своего отца» — и держится все повествование. Ерофеев пишет об изживании в себе советского человека, рассказывает о том, как он советским человеком не стал. В основе этой несветскости — отцеубийство. Логика в принципе проста: «Я вырос и что-

то понял: для Запада и большинства российской интеллигенции Сталин — одно, а для многих миллионов русских — другое. Они не верят в плохого Сталина. Им не верится, что Сталин кого-то терзал и замучил. Народ *зачичил* образ *хорошего* Сталина, спасителя России и отца великой нации. Мой отец шел вместе с моим народом. Не обижайте Сталина!» Следующий шаг: «Я знаю: мой папа — хороший Сталин». Значит, отказ от сталинских идей, дискредитация образа Сталина — отцеубийство. Таким актом стало участие в альманахе «Метрополь». Вот, собственно говоря, и все. Гораздо проще и примитивнее, чем у Андрея Белого. Это если иметь в виду только логику, романский стержень, канву. Наполнение интересней. Рассказ о карьере отца, сталинского переводчика и дипломата, страницы, посвященные пребыванию во Франции и впечатлениям французского детства, замечательны. Есть даже чувственные сцены — например, соблазнение маленького Ерофеева учительницей. И это, конечно, тоже не случайно. Миф об Эдипе требует инцеста. И от мифологического императива Ерофеев не может избавиться. Ведь, собственно говоря, именно благодаря мифологической парадигме его воспоминания превращаются в роман, в литературную исповедь, которая вполне допускает эксгибиционизм в духе Руссо. Хотя в данном случае «исповедальность» — в очень большой степени литературная игра сродни любимой Ерофеевым во французском детстве игре в индейцев и ковбоев.

Виктор Ерофеев. *Хороший Сталин*. — М.: Зебра Е, 2004. — 384 с.